

Актуальна ли в наше время национальная тема? Стоит ли окрасивать различные общест- ва в национальные тона, или всё это пора све- сти к "общечеловеческому"?

Общечеловеческое абстрактно, безлично, в нём можно потерять себя. Константин Леонтьев справедливо писал, что люди Запада в своём стремлении стать "общечеловеками" обезличиваются, погружаются в Ничто. Вместо земли, традиции, Родины объединяющей становится принадлежность к искусственной интеллекту- альной схеме, "изму". Именно здесь отдаёт фа- шизмом, ведь в одинаковости заложена идея шаблона — одинаковы с кем? А тех, кто не хочет быть подогнанным под шаблон, — подавлять? Вот и фашизм, только с предствавительной улыб- кой. Как душа не бывает неконкретной, так и лю- бой народ "либо находит принцип своей жизни в себе самом, либо вовсе его не находит" (Эмиль Чоран, "История и утопия"). Существует особый стиль мировосприятия, душевный магнит, объ- единяющий и притягивающий людей, дающий ощущение родства. "Понятие Родины — очень объёмно, — писал композитор Георгий Свири-

дов, — оно всеобъемлюще, грандиозно. Оно включает не только всё, чем ты живёшь, но и самый воздух, которым человек дышит, его про- шлое, нынешнее и грядущее, где суждено жить и нам (как и людям прошедших поколений) сво- ими потомками, своими делами... Родина — это совсем не только симпатичное и приятное, но и горькое, и больное, а иногда и ненавистное. Всё есть в этом понятии, в твоём чувстве к ней, без которого жизнь почему-то теряет смысл" ("Музы- ка как судьба").

Юрий Мамлеев: "Даже Окаянная Русь — не какие то отбросы, а напротив, даже в грехов- ных проявлениях России есть, пусть и скрытый, аспект выхода, некое тайное, запрятанное "зер- но", благодаря которому почти любые формы бытия России становятся парадоксально драго- ценными..." ("Россия вечная").

Нам давно уже не нужно доказывать право России на самобытный культурно-исторический тип: со времён славянофилов в науке, искусстве, технике, философии наша страна показала, что нет на свете ничего, что она не могла бы делать не только блестяще, но и в своём ключе.

вала Россия 1200-х годов". "Эта гармония утрачена, но не забыта. Если России суждено без помех следовать законам, свойственным её природе, и дать им внешнее вы- ражение для окружающего мира, то после долгой беспримерной дороги блужданий она однажды вернётся к своим начальным ду- шевным истокам. Только тогда добьётся она своих высших свер- шений, поскольку это будет уже не спящая младенческим сном Рос- сия XII века, а Россия знающая, прошедшая через свою противопо- ложность" (Вальтер Шубарт, "Евро- па и душа Востока").

Наш человек и правда немно- го Иванушка-дурачок. Он то ли не чувствует, то ли не учитывает свою конечность, игнорирует тему смер- ти. Об этом упоминают, говоря о более запредельном, заздешнем православном христианстве по сравнению с католическим. Дохри- стианское славянское ощущение времени было тоже подчёркнуто метафизическим. Помимо со- временного понимания течения времени — из точки А в точку Б, помимо циклического — всё повто- ряется и возвращается, древние славяне остро чувствовали выс- шее, мифологическое время, где всегда происходит одно и то же.

мецкое, 10) английское. Теперь, надо предполагать, очередь аме- риканского влияния. ...За все эти одиннадцать веков из русского человеческого сырья известные и неизвестные нам властители дум пытались извять: нордического морехода, византийского царед- ворца, польского шляхтича, гол- ландского шкипера, французского скептика, немецкого философа и английского парламентария. ... Они пытались переделать русского тысячелетнего Ивана, ...которого вот уже сотни лет никакая фило- софия никак не может переделать ни в американца, ни в социалиста" (Иван Солоневич, "Народная монархия"). История размышляет не о влияниях, а о проявлении соб- ственного незыблемого замысла. Каждая эпоха раскрывает что то своё, и, чтобы собрать картину вое- дино, необходимо лишь грамотное "соединение всех пяти русских им- перий в благословенное Русское царство, Святую Русь" (Александр Проханов, "Бессмертный знамени- сец"). Отдельный человек — нечто крохотное по отношению к своему народу, но одновременно он вби- рает в себя весь эгрегор, воплощ- ает своей жизнью весь путь своего народа. Так и эпоха есть нечто кро- хотное по отношению к вечности,

ИДЕЯ

"У России нет идеи, это просто большая территория", — сказал в частной беседе очередной злоти- хатель. Как ни странно, идея есть даже у того, кто обрёл вдохнове- ние в ненависти к своему духовно- му пространству. Но обязательно ли сводить её к формуле, схеме? Формулы могут будоражить, сти- мулировать к личному раскры- тию, политическим баталиям и даже подвигам, но всё это не ра- ботает вдолгую, на бесконечную перспективу. Чего теперь стоит гордый римский гражданин, или безстрашный японский воин, или человек Возрождения, голый и независимый? Каждый такой ге- рой неизбежно превращался в легенду, в музейный экспонат. Что нетленное они пытались собой до- нести до нас, какую заременную мысль выразить на благо другим? "Естественного человека" Руссо не планировал даже для собствен- ного спасения. Экзистенциалисты своей "свободой в сторону ни- чего" предложили путь вполне для себя — но не к спасению, а к по- гибели. Предложений "гибели дру- гих" хватает и без философов — этим увлечены "все богохульные умы, все богомерзкие народы", от Мальтуса до Шваба.

Нам мало, чтобы глобальная мысль оказалась результатом критического Q-анализа, мы ста- раемся проникнуться ею, влупиться в себя целиком. Советский Союз внедрял в жизнь логическую схе- му (антагонизм классов, смена формаций и т. п.), которая если и соответствовала чему-то, то в дру- гое время и в другой цивилизации. В изменившихся жизненных усло- виях схему уже невозможно было выдвигать за мечту: пришедшие к власти не поняли, что идеоло- гия — топор, из которого народ на- чал варить свой суп, и вместо того, чтобы сесть за стол, вцепились в этот топор. Всё больше крепло ощущение неправды, будто кто-то ломает естественный мир, подчи- няет конкретное абстрактному, жи- вое неживому. Любая идея имеет свою подлинную сущность, плато- новскую объективную реальность за пределами явленного, из обла- сти бессмертия.

Идея народа — не формула, не схема, а глобальный божествен- ный замысел, духовная константа, проработанная на небесах. "Мета- физический Центр России — это "идеальная" Россия, центрокон- центрация её сути, наконец, более точно, — Россия как она задумана от Вечности, в самом Абсолюте, в самом Божь" (Ю. Мамлеев, "Рос- сия вечная"). Такую идею вынаши- вают всей своей жизнью, пестуют в душе, не стремятся упростить для понимания досужей публики. И мы это поняли. "Мы научились хоронить нашу национальную святыню в недосягаемости, — пи- сал Иван Ильин. — Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь не- доступного врагу и столь близкого нам, неразрушимого и всеосвяза- ющего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту; в дремучей душевной чаще нашли мы таинственное духовное озеро, вечно огражден- ное, навеки неиссякающее..." ("О России"). Это ментальное озеро защищало нас и в рыночных от- ношениях, и в социалистических. В нём исчезают бесследно хитро- умные логические изобретения; в нём же — необходимая для на- родного организма живительная влага, секрет нашего таинствен- ного возрождения.

Нам нужно обрести своё главное самоназвание, которое притянет общественную мечту. Так сложилось исторически, что конкретика и суть нашей мечты концентрируются в понятии "Святая Русь".

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Правда человека коренится в его прошлом — рассказывая истории из жизни, мы лучше всего раскрываем свою натуру. То же и с народами. Сейчас принято счи- тать, что движение вперёд — это изобретательство, новизна как самоцель, и с этих позиций ви- деть в традиции движение назад, к хороводам и кокошникам. Но мы вглядываемся в прошлое не за- тем, чтобы попасть в музей; тот, кто думает, что Традиция — это сплошные приветы из прошлого, не чувствует вечности. Хорово- ды — это действия для символиче- ского переживания целостности и одновременно цикличности мира. И если мы не придумали ничего им взамен, мы не прибавили, а толь- ко утратили. Играя на гусях или слушая пронзительную русскую песню, мы актуализируем своё ощущение гармонии, свой лад, способ чувствования. Не возвра- щаемся в прошлое — что мы о нём толком знаем? — а погружаемся в осмысленное будущее. Мы всегда будем стремиться "к обретению той гармонии, в которой пребы-

ЧЕРТЫ СВЯТОЙ РУСИ

О тысячелетнем Иване и движении вверх

Только что я восторгался маминым ласковым отношением к миру — и вот уже этим питается от меня моё дитя: только что самоутверждался в споре с отцом — и вот уже мой ребёнок самоутверждается в споре со мной. Я сам стал своими ро- дителями, и дело не в том, что "всё развивается" или "всё повторяет- ся", а в том, что всё — одно, что я — мой отец, и сейчас существую, будучи им. Единосущность — не просто догмат, а острое пережи- вание реальности, закреплённое в догматике. И страх, и радость, и заботу на высшем уровне ощу- щения времени — там, где оно не движется, — мы проживаем не столько как возникающие, сколько как извечно имеющиеся. На этом уровне мы существуем не во вре- мени — во "всегда", без начала и завершения; мы помним, что "на- чало" и "конец" некогда были одно- коренными словами.

История также движется к точке Б, но лишь на первый взгляд. На этом уровне её рассматривают как последовательность приобрете- ний или потерь; для кого то цель истории — воплощение свободы, но мир содохнет, изуродует себя физически, воплощая собой эту невнятную абстракцию. В истории легко проследить и движение по кругу, постоянные возвращения; при желании её можно превратить в учебник мировой цикличности. Но и здесь есть высший уровень, на котором всё происходящее — уже имеющееся; нет ни времени, ни смерти — есть незыблемое и его неизменные формы. Кристалл закрутился, и грани всё труднее воспринимаются отдельно.

Община, земство, однодвор- сто, артель, колхоз — формы самоуправления, объединённые соборным порывом, но изменё- ные каждая по своему. Принимая для основы разные формы, мы всег- да держимся за своё. Настоящие герои России — люди из вечного времени, воплощавшие извечные смыслы. "...Не интерес составляет главную пружину, главную дви- гательную силу русского народа, а внутреннее нравственное созна- ние, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но все- цело обхватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осу- ществления" (Николай Данилев- ский, "Россия и Европа"). При всех политических трясках мы умудря- лись исправлять навязанное, под- ключаться к своему эгрегору — и выстраивать жизнь так, чтобы она соответствовала интуитивно ощу- щаемому метафизическому верху. С годами люди материальное об- растает коростой, жиреют "верхи", растёт объём несправедливостей, общество утрачивает опоры. И тогда народ стягивает с себя про- жившие формы, пытается отыски- вать новые. Иностранцы думают, что хитро нас разрушают, не ведая, что и они — орудие мощной силы, которая, порою через кровь и стра- дание, кидает нас в обновление.

Народ бессмертен, пока чув- ствует подлинность к соб- ственному незыблемому, и умира- ет, если сдаётся чужому. "Говоря очень суммарно, за одиннадцать веков своего литературного суще- ствования Россия сменила такие "влияния": 1) варяжское, 2) визан- тийское, 3) хазарское, 4) татарское, 5) польское, 6) голландское, 7) шведское, 8) французское, 9) не-

но вбирает в себя путь народа от начала до конца.

Только поняв, зачем мой народ в принципе нужен, я пойму, зачем нужен я.

"Когда мы ищем это глубинное, таинственное предназначение, ради которого был создан русский народ, нам открываются смыслы его сотворения, его существова- ния в истории. Русская Победа, которую мы празднуем ежегод- но, — это Победа над смертью. Над смертью любимого человека, любимой Родины, любимого миро- здания" (А. Проханов, "Бессмерт- ный знаменосец").

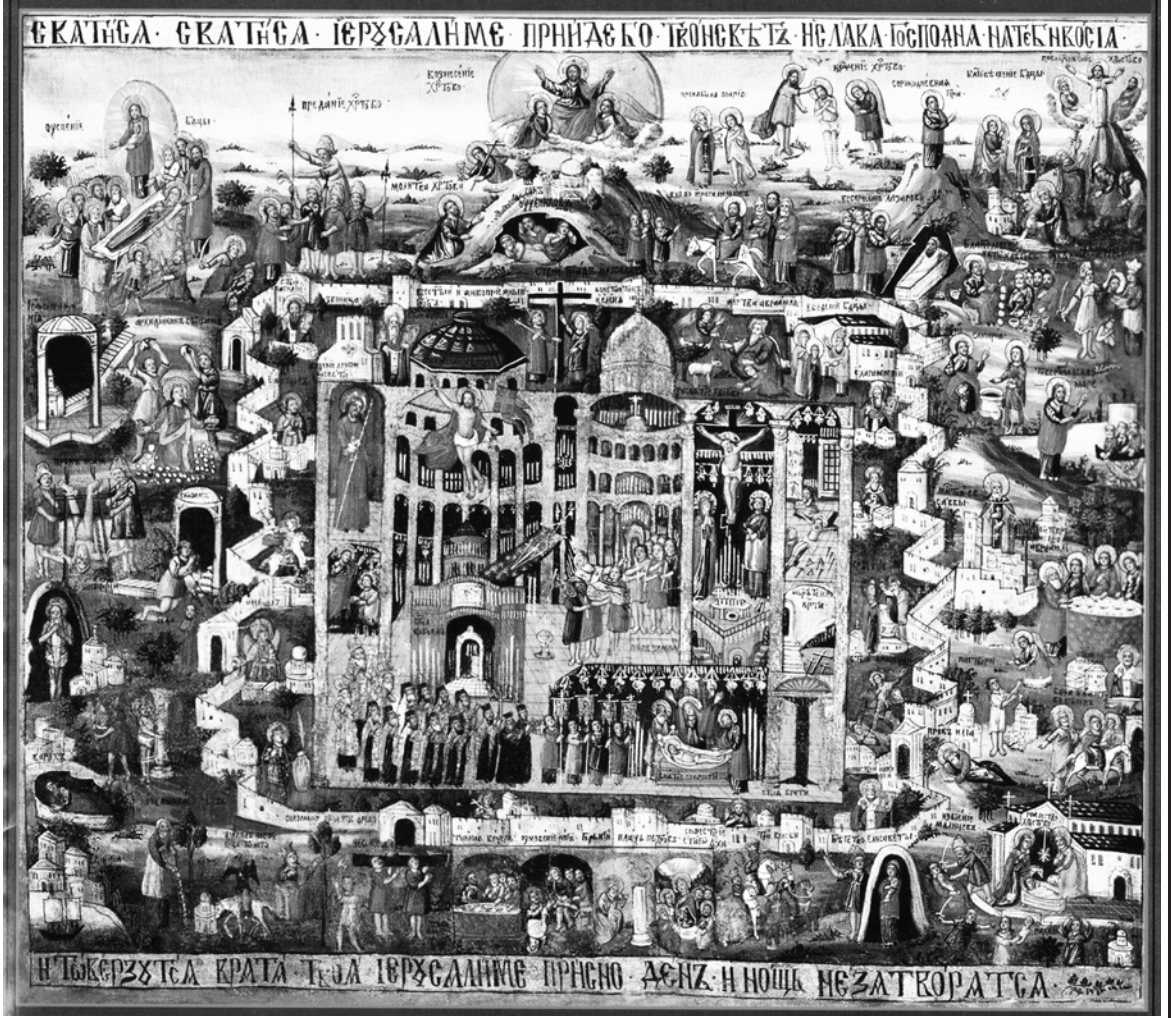
Каждая веха и эпоха нашей истории была очередной попыт- кой воплощения Святой Руси. Мы можем лишь догадываться, какими гранями она поворачивалась к лю- дям в древности, но чувствуем, что её идея существует сама по себе; её образ — источник вдохнове- ния и сила для движения вперёд. Святая Русь — это то, что каждый раз воплощается в наших душах и в нашей общей жизни. Она и в Светой Руси (через "е"), и в посаде Сергия, и в одухотворённом мо- настырском типе хозяйствования, и в мечтаниях Льва Толстого, и в коммунистических устремлениях создать справедливый мир. Иде- ологии меняются, а русский дух остаётся. Каждый раз мы возро- ждаемся из пепла и с энтузиазмом приступаем к воплощению выше- го замысла самих себя.

ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Россия не может не помнить об ужасах революций; за ними не- просто разглядеть наш небесный рисунок, зато они дают недобро- желателям возможность передёр- гивать. Затрону для примера тему "русского рабства". Искони мы на- столько не были склонны к "рабо- ладельческому строю", что даже захваченных на поле боя врагов не считали предметами собственнос- ти: сажали с собой за стол, по ис- течении срока "рабства" предлага- ли на выбор уехать или остаться, а порою женили на собственных до- черях. Собственность человека на человека — явление для России довольно позднее и неестествен- ное. Официально оно было вве- дено в Соборном уложении 1649 года при Романовых, окружённых советниками из "свободного мира". Согласно этому документу, по- мешик становился владельцем имущества — земли и людей! — а также представителем власти. Крестьянство было привязано к земле, остальное ему запрещал- ось, но люди вряд ли восприни- ли новое положение дел всерьёз: "Ну, приписали меня куда-то, я всё равно нигде не собираюсь".

По стране всё менялось мед- ленно, однако каждое новое поколение "аристократов" всё серьёзнее играло в эту игру. По- требовалось не одно столетие, чтобы то там, то тут стали пони- мать: разделение людей на чистых и нечистых — это всерьёз, и кто-то кому-то вправду может быть хо- зяином или рабом. Полезно сослов- ное чванство: "Я прекрасен, когда помогаю пахарю, но и справедлив, когда порю его на конюшне".

Характерной становилась сама идея неких "высших", чьи по- томки могут тебя грабить, а если

воспротивишься — направят ар- мию. Чем больше "верхи" верили в свою исключительность, тем больше народ злился. "Рабство? Так получите восстание. Теперь все будут равны, без поправок на образование и происхождение. И зарплаты будут у всех по шаблону, и все богатства перераспре- делим по принципу уравниловки. Несправедливо? А справедливо было уникать моих предков-кормильцев? Пусть теперь все эти бездельники попадут..."

Пружина должна была раз- жаться, праведная эмоция — вы- йти наружу. Результат револю-

людей вакцинами или уничто- жает болезнями? Если мне надо зарубить топором двадцать ста- рушек, захочу ли и смогу ли я по- том жить? Ведь есть нечто выше жизни. Если кто-то считает допу- стимой отмену семьи, пола, на- циональности, совести, не ценит духа общности, воинской до- блести, трудового энтузиазма, я как минимум не хочу иметь ничего общего с этим кем-то.

Есть три этапа самоидентифи- кации, которые проходит каждый субъект. Первый — дистанцирова- ние, осознание: я — другой, мы — разное. Второй — отрицание: мы

бодеем и грешнем"? ...Только обижено вздыхать о невозврат- ном прошлом или, довольствуясь тем, "что нам Бог послал" в свобо- де демократий, молекулярно, "ма- лыми делами" создавать начатки царства Божия на земле?"

С одной стороны, "если есть Рай небесный, то нет никакой не- обходимости в его повторении на Земле, да ещё в более грубых и несовершенных материальных формах" (Константин Яцкевич, "Согласное учение святых от- цов Восточной Церкви о душе"). С другой — "создание на Земле полигона, где сам человек мог бы испытать себя и в роли создате- ля земного Рая или земного Ада, вполне могло входить в планы Бога как большого ума, который и тренирует ум малый человече- ский, подводя его к совершенству через выбор добра и зла" (там же). Этой темой так или иначе были наполнены наши думы. Лев Толстой: "...Жизнь наша не мо- жет иметь никакого другого смыс- ла, как только исполнение вся- кую минуту того, что хочет от нас сила, поспавшая нас в жизнь..." ("Царство Божие внутри вас"). Фёдор Достоевский: "...Откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, скрытое от него в земле! Покажите ему в буду- щем обновление всего челове- чества и воскресение его, может быть, одною только русскою мы- слью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет перед измучённым ми- ром..." ("Идиот").

Итак, русское Богочеловече- ство, "обожение тварного мира" — вопрос не столько действитель- ности, сколько планов на неё. И религия предполагает не столько изучение догматов и повторение ритуалов, сколько превращение бездуховного в духовное. В эпоху "посткапиталистической" модер- низации", перед новыми полити- ческими вызовами наша задача всё та же — реализация своего духовного замысла. Отыскивать-расшифровывать-реализовывать в жизни естественные формы вза- имодействия, специфически рус- скую общественную духовность — вот что нам предстоит. Ну или "крест реальности", который пред- ложил философ Розеншток-Хюс- си: вступаем в контакт с извечным; творим в будущее, завершая нача- тое когда-то; проявляемся вовне; регистрируем нечто для самих себя внутри. "Россия, воскрешённая, бессмертная, поведёт мироздание к Богу. Россия, как бессмертный знаменосец, несёт хоругвь своего воскресения" (А. Проханов, "Бес- смертный знаменосец").

Цель восстановления Русского Мира — не самовыпячивание, а самопроявление. В нашем наро- де исторически заложен созда- тельный зуд. "...Ни одна страна, которую я посетил, — писал Р. Тагор в октябре 1930 года, — ещё так не потрясала моего вообра- жения. В других странах деловая энергия распылена: каждый спе- циалист трудится только в своей области — будь то политика, медицина, школы или музеи. А здесь вся страна, устремлённая к одной цели, собрала все свои силы, связала их единой нервной системой и как бы превратилась в один гигантский организм, в одну колоссальную личность" ("Пись- ма о России"). Энергия русского дела неиссякаема, если дело это по-фёдоровски — общее, по-соловьёвски — богочеловеческое.

Воплощение Святой Руси — это движение вверх, к вневременным целям и идеалам, которыми ста- рались жить наши предки, которых мы желаем для наших детей. Это осмысленный и увлекательный труд, диалектический процесс формирования себя и мира через самовоспитание и жизнестрои- тельство. Мы снова не желаем па- дать в пропасть и готовимся созда- вать собой иную реальность; наше слово снова жаелает быть делом. Воплощение Святой Руси — на- чала в своей душе, а потом в ре- альности — своего рода духовная эвакуация, наша попытка противос- тоять царству зла на пути ко все- общему спасению.

Михаил ЕРМОЛАЕВ

Иллюстрация: икона «Свя- той град Иерусалим». Конец XVIII в.